

Ей покорились лучшие сцены

О Казарновской заговорили сразу, с ее приходом на сцену Московского музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. 11 лет назад она, студентка Московской консерватории, впервые спела и сыграла онегинскую Татьяну. Партию, с которой выступила на лучших оперных сценах мира. Затем - сенсационный успех Дездемоны в Ковент-Гарденском театре, Манон Леско и Леонора, блистательное исполнение первой русской певицей графини Альмавивы на Зальцбургском фестивале 1991 года...

Мы встретились с Любой в ее московской квартире. Здесь прошло ее детство. За стареньким пианино начиналась карьера блистательной певицы.

Ирина ГОРЮНОВА

- Люба! Вы живете в Вене. В вашем распоряжении Венская оперная сцена, лучшие театры мира. Тем не менее вы очень часто приезжаете в Россию. В чем причина? Ностальгия по Родине?

- Все свои новые работы я стараюсь готовить в Москве. Здесь мой концертмейстер Любовь Орфенова и мой консерваторский педагог Елена Ивановна Шумилова.

- Разве у вас нет своего педагога на Западе?

- Нет. Там иное отношение к певцам. Там с ними никто не носит: отработал, выучил партию и до свидания. Конечно, у меня есть свой концертмейстер. Но это всего лишь концертмейстер, а не педагог.

- С кем из известных режиссеров вы работаете за рубежом?

- К сожалению, ни с кем из больших режиссеров я пока не встретила. Такого ранга, скажем, как Дзефирелли. Правда, я пела в спектаклях Михаила Хампе. Известного режиссера, который многие годы работал с Гербертом фон Караяном над операми Моцарта. Все зальцбургские спектакли: «Дон Жуан», «Свадьба Фигаро» и другие - мы репетировали вместе. Хампе обожает Моцарта. Моя графиня в «Свадьбе Фигаро» имела успех во многом благодаря ему.

- Вы стали первой русской певицей, исполнившей эту партию на знаменитом зальцбургском фестивале?

- Да. Стиль Моцарта - особый стиль. Верди - это совсем другое. Русские оперы - третье. К сожалению, не все режиссеры это понимают. В прошлом году я работала с Ричардом Джонсом над оперой «Мазепа» Чайковского. Я пела партию Марии. Это было большим разочарованием для меня. Когда он ставил в Английской национальной опере «Риголетто», все его современные трюки и костюмы еще как-то оправдывали себя, хотя и с трудом. А тут... Прихожу на первую репетицию, вижу - совершенно голая сцена, трамвайные рельсы. Спрашиваю: это из какой оперы? Он говорит: поставлена вторая картина - казнь Кочубея, герой попадает под трамвай. В общем, получилась смесь из Булгакова - «Мастера и Маргариты» и Набокова - «Лолиты» (Мария раздевалась в одной из сцен догола). А

во втором акте я была в платье стиля «модерн», с огромными плечами, прическа на один бок с пером. Я все время спрашивала: «Что мне играть? Я ничего не понимаю». А режиссер все время говорил, что я - Макбет. И в момент появления матери я должна погрузиться в сомнамбулизм. Я говорю: «Нет, Мария не сразу понимает, что мать пришла сказать ей об убийстве Кочубея Мазепой. Лишь после этого события она сходит с ума». Но режиссер настаивал на своем. И когда я «поплыла по сцене в сомнамбулическом припадке», Лариса Дядькова, сопрано из Кировского театра, «упала» от смеха. А режиссер был счастлив и кричал мне: «Вот это то, что надо!»

- А как публика приняла спектакль?

- Ужасно! Шипели и кричали «Бу!». Это у них самое ужасное ругательство. И особенно рычали, когда Кочубея казнили: и голова-муляж покатились дирижеру на пульс.

- В Амстердаме этот спектакль имел успех. Там другой зритель. Они любят подобную режиссуру. У них на сцене оперного театра можно увидеть живых свиней. Они специально дрессировали для одного спектакля голубей...

- На Западе много оперных режиссеров?

- Засилье. Мы все время с мужем смеемся, когда читаем оперные рецензии. Начинаются они всегда с режиссера - две трети рецензии, затем - художник, еще меньше - дирижер, и строчка - об артистах.

- Вы очень много концертируете. Что вам ближе - камерное, сольное пение, концертная сцена или театр?

- Театр, конечно. Я воспитана на традиционном театре. По природе я романтик. Я верю в романтическую природу оперы. Мой Бог и мой кумир Герберт фон Караян обожал традиционный оперный театр. Вспомнить хотя бы его последний спектакль «Бал-маскарад» Верди.

- Это было в 1989 году, когда умер Караян?

- Да. Дирижировал спектаклем другой маэстро.

- Ваши певческие кумиры?

- Абсолютный пример для подражания и авторитет для меня - Леонтина Прайс. Ее ни с кем не спутать. Это вердиевская певица с огромным эмоциональным зарядом и насыщенностью тембра. Второй кумир - Мирелла Фрэ-

ни. Она в блестящей форме, пела недавно Лизу из «Пиковой дамы» в Венской опере.

- А кто из русских певиц вас вдохновляет?

- Образцова! Мои консерваторские годы попали на период расцвета таланта Елены Васильевны, и я очень много ее слушала, ходила на концерты. Много почерпнула.

- В России вы работали в трех театрах. Какой из них вам наиболее близок?

- Я люблю Театр Станиславского и Немировича-Данченко потому, что это мой первый театр. Ушла я оттуда из-за ограниченности репертуара. Там не шли такие спектакли, как «Фауст», «Трубадур», «Травиата», те оперы, в которых я чувствую себя как рыба в воде.

Меня пригласил Юрий Темирканов. Тогда он был художественным руководителем Кировского театра. Я впервые спела «Силу судьбы» Верди. Там же я работала с Борисом Александровичем Покровским в спектакле «Борис Годунов». Никогда не забуду, как он репетировал со мной Марину. Это умение вытаскивать из тебя все, что ты можешь и не можешь.

Что касается Малого оперного, то я лишь выезжала с труппой этого театра на гастроли в Италию и на Единбургский фестиваль. Пела Татьяну в спектакле Станислава Гадасинского, который очень интересно решил «Онегину». У него весь спектакль сделан «на тканях» и уместается в чемодан.

- Вам ближе стационарная работа в театре или контрактная?

- Я - домоседка. Устаю от самолетов, новых людей, гостиниц. Принимаю все близко к сердцу, эмоционально.

- Вы должны спеть в Венской опере определенное количество спектаклей в год. Остальное - это ваше дело, так?

- Совершенно верно. В январе у меня «Богема», «Дон Карлос», «Свадьба Фигаро». Остальное время я планирую сама и могу заключать контракты.

- Существует такое мнение, что ваша успешная карьера певицы сложилась благодаря мужу. Я имею в виду зарубежную карьеру.

- А я не отрицаю. Можно ведь быть козырным тузом и пролежать в колоде всю жизнь. Вся моя творческая биография здесь во многом была таковой. Все говорили: это очень интересная певица. Получала приглашения на зарубежный фестиваль, а ехала другая. Отвеча-

ли, что Казарновская занята в репертуаре театра. Так ответили моему будущему мужу, когда он первый раз прислал мне приглашение.

- Люба! Вы были одной из последних певиц, с которой работал великий маэстро Герберт фон Караян. Расскажите о встрече с ним.

- 8 марта 1989 года позвонили из Зальцбурга и пригласили меня на прослушивание. Когда я узнала, что меня будет слушать Караян, мне показалось, я потеряю голос. Поехали... Караян вел репетиции «Тоски». Его огромная седая голова царила над залом. Вдруг слышу: «Где русская певица?» Я неуверенно: «Здесь...» «Что вы будете петь?» - «Амелию - «Бал-маскарад». Когда я запела, Караян сделал знак фотографу - снимать. У нас сохранились эти фотографии. Затем Караян попросил спуститься к нему. Я так волновалась, что не заметила режиссерского мостика. И вместо того чтобы напрямую спуститься, пошла блуждать по всему залу. Караян молча провожал меня взглядом и, наверное, думал: «Спела хорошо, а с головой - не в порядке». Наконец подошла, он взял меня за руки и спросил: «Что вы делаете в этом году летом?» - «Ничего». - «Вы можете петь со мной реквием Верди?» У меня впервые в жизни сердце ушло в пятки. «Да!» - «Вы любите эту музыку?» - «Очень». - «Я вас понимаю», - сказал Караян. Через две недели пришел контракт.

Но пела я в его честь. За дирижерским пультом стоял Рикардо Мутти. 16 июля 1989 года мы пришли на репетицию и не заметили, что на фестивальной здании уже вывешен черный флаг. На служебном входе нас встретила секретарша. И по ее заплаканным глазам мы поняли: что-то случилось. Она сказала, что 3 часа назад маэстро Караян умер...

Те из певцов, кто с ним работал, запомнят его уроки на всю жизнь. Для тех, кого любил, Караян не жалел ни сил, ни времени. Он повторял: голос должен парить над оркестром, как облако.

- Люба! Какая музыка вам ближе?

- Итальянская. Это моя стихия. Я себя лучше в ней чувствую, чем в русской или же во французской операх. Хотя мой муж и педагог, говорят, что я должна обязательно спеть и сыграть Манон Массне. Но область моих интересов - Верди, Пуччини. Моя мечта - «Анна Болейн» Доницетти и «Аида» Верди.

- Что из русских опер хотелось бы спеть?

- Марфу из «Царской невесты». Марфа - это характер. Ее часто изображают безвольным персонажем. Но послушайте ее музыку. Какая это страстная натура! Что касается Лизы из «Пиковой дамы», хочу повременить. Боюсь, захлестнут эмоции. А я не умею петь и быть на сцене с холодной головой.

- Как сейчас относятся к русским певцам за границей?

- Певческий рынок сейчас перенасыщен. В Америке и в Италии просто объявлен бойкот иностранным певцам. Воюют за то, чтобы свои певцы были на рынке. Лучше театр возьмет певца второго класса, но с фамилией Барбачилли или Капучилли, чем иностранца. То же самое в Америке.

- Как вы проводите свое свободное время?

- Мы с мужем очень любим ходить в храм. Я испытываю потребность в этом, благодаря церковному пению. Люблю ходить в кино. Люблю мистику, фантастические сюжеты.

- У вас очень много поклонников в Москве. Здесь ваши близкие, дом, где вы выросли, учителя. Мы надеемся, что будем слышать и видеть вас часто...

- Конечно. Мне бы хотелось в один из следующих приездов спеть на сцене Большого зала Консерватории.